

Известия Южного федерального университета.
Филологические науки. 2023. Том 27, № 4
ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Научная статья

УДК 821.161.1.09

ББК 83.3 (2)

DOI 10.18522/1995-0640-2023-4-141-152

ЧЕРТЫ РОМАНТИЗМА КАК ТИПА ТВОРЧЕСТВА В СТИЛЕ В. ХЛЕБНИКОВА

Ольга Олеговна Кузовлева

Литературный институт имени А.М. Горького, Москва, Россия

Аннотация. В. Хлебников был одним из наиболее ярких деятелей культурной эпохи серебряного века, неоромантической по своим особенностям. Вместе с тем его стиль формируется не только под влиянием доминант культурной эпохи, но и структурируется как реализация одного из двух основных типов творчества, о которых писали Ж. де Сталь, А.С. Пушкин, П.Н. Сакулин, В.М. Жирмунский, А.Ф. Лосев и другие, а именно – романтического, предполагающего стремление к преодолению границ времени и пространства, и неудовлетворенность и связанные с этим характерные формы жанрового и художественного синтеза. Данная проблематика рассматривается на примере следующих произведений: пьесы «Мирсконца», повести «Ка», поэм «Азы из узы», «Война в мышеловке», сверхповести «Зангези», стихотворений «Я не знаю, Земля кружится или нет...», «Сегодня снова я пойду...», «Я вышел юношей один...», «Трущобы», а также статей разных лет.

Ключевые слова: *Велимир Хлебников, романтизм, тип творчества, романтическая эстетика, художественный стиль, русский футуризм*

Для цитирования: *Кузовлева О.О.* Черты романтизма как типа творчества в стиле В.Хлебникова // Известия ЮФУ. Филол. науки. 2023. Т. 27, № 4. С. 141 – 152.

Original article

FEATURES OF ROMANTICISM AS a CREATIVITY TYPE OF VELIMIR KHLEBNIKOV'S CREATIVE STYLE

Olga O. Kuzovleva

Maxim Gorky Literature Institute, Moscow, Russian Federation

Abstract. Velimir Khlebnikov was one of the most prominent figures of the Silver Age epoch, neoromantic by its characteristics. At the same time, his creative style is formed not only under the influence of the cultural epoch dominants, but it is also structured as the realization of one of the two main types of creativity that Zh. de Stal', P.N. Sakulin, V.M. Zhirmunskij, A.S. Pushkin and other wrote about. This refers to the romantic style suggesting the desire to overcome the boundaries of time and space, eternal aspiration and dissatisfaction and related characteristic forms of genre and

artistic synthesis. This problem is considered on examples of the following works: play «Mirskoncza», story «Ka», super story «Zangezi», poems «Ya ne znayu, Zemlya kruzhitsya ili net...», «Segodnya snova ya pojdu...», «Ya vy`shel yunoshej odin...», «Trushhoby» as well as articles of different years.

Key words: *Velimir Khlebnikov, romanticism, creativity type, romantic aesthetic, writing*

For citation: *Kuzovleva O.O. Features of Romanticism as a creativity type of Velimir Khlebnikov's creative style // Proceedings of Southern Federal University. Philology. 2023. Vol. 27, № 4. P. 141– 152.*

Введение

Значительный объём и многозначность понятия *романтизм* позволяет рассматривать его одновременно в нескольких плоскостях, друг с другом пересекающихся и образующих смежные области, друг на друга влияющих и взаимообусловленных. Романтизм как художественное направление – историческое явление, рассматриваемое в типологическом противопоставлении классицизм – романтизм, в целом ограниченное временными рамками (конец XVIII – первые 30–40 лет XIX века). Его основы «лежат в области сверхэстетической и проявляются одновременно в различных сферах духовной культуры» [Жирмунский, с. 175]. Возникновение направления сопряжено с эстетикой как философским учением об искусстве и как определённой системой взглядов, своими главными идеями пронизывающей ту или иную эпоху или период.

Эстетика формируется и оформляется носителями определённого типа мышления. Литературовед, академик П. Н. Сакулин, рассматривая вопрос о типологических обобщениях и творческих индивидуальностях, обращается и к понятию типа «для обозначения некоей творческой сущности, которая проявляется в стиле» [Сакулин, 1925, с. 47]. Тип мышления как некая обобщённая модель сквозь призму эстетического в каждом отдельном случае рождает конкретное творчество. Тип творчества носит постоянный, устойчивый, вневременной характер, «художник остаётся верен своему стилю, своему типу» [Там же].

Наиболее развёрнуто и последовательно явление романтического типа творчества через антитезу классический – романтический рассмотрено в работах академика В. М. Жирмунского, в частности в его ранней статье «О поэзии классической и романтической». Два типа творчества подробно анализирует в своей фундаментальной монографии «Диалектика художественной формы» А. Ф. Лосев. Его труды представляют для нас наиболее значимую методологическую основу. В. М. Жирмунский и А. Ф. Лосев объективно развили идеи самих романтиков. В их числе А.-Л.-Ж. де Сталь, которая одна из первых использовала термин *романтизм* и сопоставила классический и романтический типы творчества в работе «О поэзии классической и романтической» [Сталь, 1980]. Вслед за ней во многом схожий взгляд на «проблему классической и романтической словесности» [Дроздов, 2017, с. 448] выразил в неоконченной одноимённой статье А. С. Пушкин, описавший истоки и «смирненное начало романтической поэзии» [Пушкин, т. 11, с. 37].

Объектом нашего научного интереса является художественный стиль писателя и мыслителя Велимира Хлебникова (1885–1922), одной из ключе-

вых фигур русского авангарда, русской литературы XX в. и русской культуры в целом. При всём многообразии существующих подходов анализ его творчества нередко ограничивают контекстом современности, литературной и культурной среды, в которой автор вращался, рассматривают его творения через соотнесение с конкретными объединениями и школами (футуризм, кубофутуризм), которые, по словам П. Н. Сакулина, возникают в процессе литературной жизни как некие «кристаллизации» [Сакулин, 2019, с. 146]. Это действительно важно для характеристики тех или иных особенностей поэтики и культурного стиля эпохи, для решения ряда других вопросов, но вместе с тем ограничиваться только современностью в анализе творческой индивидуальности Будетлянина никак не следует: вне синтетического анализа на «вертикальном разрезе» [Сакулин, 1925, с. 36] сужается диапазон исследования стиля Хлебникова. Ещё современники указывали на то, что «ни в какие школы, ни в какие течения не нужно зачислять этого человека» [Тынянов, 2000, с. 223]. Юрий Тынянов верно обозначил основной вектор научного изучения его произведений: проследить «пути развития» и «отправные точки» Хлебникова. Одной из таких «отправных» и, на наш взгляд, ключевых, исходных точек, дающих возможность максимально объёмного, всестороннего анализа стиля Хлебникова, является романтизм как тип творчества.

Исследование и его результаты

С точки зрения А. Ф. Лосева, вечность «проявляется в двух видах – или как *совершенство* <...>, или как бесконечность <...>. Первое – всегда пребывает в себе <...>; оно блаженно само в себе и не затрагивается никакой переменной извне. Вторая – никогда не может кончиться, будучи вечной длительностью и движением; <...> вечно нарастающий поток, вечно творческое время» [Лосев, 1995, с. 247]. (Здесь и далее сохранены выделения, принятые в цитируемом тексте. – О. К.). Классицизм и романтизм, с точки зрения учёного, представляют собой два «лика вечности», которые «противостоят друг другу». Они противопоставляются как «замкнутость и открытость», «как форма, в которой вечный первообраз дан целиком, и то, что не может целиком излиться в явление и всегда стремится за его пределы, не вмещается в них». Время для романтиков «напряженно», «*противостоит* вечности», и они «*ищут преодолеть* пространство и время и *пробиться* в вечность» [Там же].

Для Хлебникова время является одной из ключевых категорий. Если на протяжении всей истории развития человечества время понималось «как последовательная и как бы плоская непрерывность, точно бы идущая сквозь мир» [Пунин, 2000, с. 160], то главной особенностью XX в. стало его новое чувство времени. И хлебниковское понимание времени как новой «меры мира», его попытки «похищения времени», преодоления времени являются обострённой, в некоторой степени доведённой до предела формой романтической идеи – «пробиться в вечность». По словам Н. Н. Пунина, «все поэтическое творчество Хлебникова есть восхитительная охота на различных глубинах времени» [Там же, с. 165]. Наиболее ярко это выражается в приёме объёмного

единения сюжетом различных временных эпох, так называемого временного сдвига.

В качестве примера его использования можно рассмотреть пьесу «Мирсконца» (1913), где герои проживают жизнь в обратном течении времени, от смерти к рождению. Если в самом начале Поля произносит: *«Подумай только, меня, человека уже лет 70, положить, связать и спеленать, посыпать молью! Да кукла я, что ли?»* [Хлебников, т. 4, с. 187], то завершается произведение ремаркой: *«П о л я и О л я с воздушными шарами в руке, молчаливые и важные, проезжают в детских колясках»* [Там же, с. 191].

Пример временного сдвига представлен и в повести «Ка» (1915), где *«...Ка ходит из снов в сны, пересекает время и достигает бронзы (бронзы времен). В столетиях располагается удобно, как в качалке. Не так ли и сознание соединяет времена вместе, как кресло и стулья гостиной?»* [Хлебников, т. 5, с. 113].

Однако преодоление времени у Хлебникова реализуется не только через осмысление и соединение прошлого, настоящего, но и, конечно, будущего. Это прежде всего его утопические идеи и футурологические концепции, представленные в статьях «Мы и дома» (1914), «Лебедия будущего» (1918), «Союз изобретателей» (1918), «Радио будущего» (1921), в ряде тематических статей и заметок, посвящённых проблеме изучения времени и хода истории: «О времени» (1907–1908), «Закон поколений» (1914), «Битвы 1915–1917 гг. Новое УЧЕНИЕ о войне» (1914), «Время – мера мира» (1914–1915), «О времени и пространстве» (1920) и т. п. Синтезом историко-математических наблюдений за временем стал итоговый труд Будетлянина «Доски судьбы».

Преодоление пространства на художественном уровне у Хлебникова явлено не только в физических перемещениях и смене топосов, ландшафтов (степи – горы, сельская местность – городское пространство), но и в выходе в космос. Ярким примером становится стихотворение «Я не знаю, Земля кружится или нет...» (1909):

*Но я знаю, что я хочу кипеть и хочу, чтобы Солнце
И жилу моей руки соединила общая дрожь. <...>
Но я хочу, чтобы, когда я трепещу,
Общий трепет приобщился вселенной.
[Хлебников, т. 1, с. 204]*

Притом что космос, как и обычный, земной, предметный мир, у Хлебникова не просто одушевляется, а зачастую отождествляется с человеком, они пронизаны взаимными соответствиями и аналогиями. В этом синтезе микро- и макрокосмоса также можно увидеть преодоление пространства Хлебниковым-романтиком. Отсюда же выход на главные идеи романтической эстетики, которые в том числе реализуются в стиле Хлебникова: «идея цельной, бесконечной и экстатически и фактически творящей личности. <...> Буквальное же и материальное осуществление личности есть не что иное, как миф». «Всё бы-

тие в целом для романтиков <...> является единой и универсальной личностью». [Лосев, 2019, с. 362]. В поэме «Азы из узы» (1920–1921) читаем:

*Я, волосатый реками...
Смотрите! Дунай течет у меня по плечам
И – вихорь своевольный – порогами синее Днепр.
Это Волга упала мне на руки,
И гребень в руке – забором гор
Чешет волосы.*

[Хлебников, т. 3, с. 243]

Характеризуя романтизм, А. Ф. Лосев говорит о нём как о системе «вечно подвижных и размытых структур, образующих собой бесконечно подвижную и неопределенно стремящуюся *бесконечность*» [Лосев, 2019, с. 335], «*потенциальная бесконечность*, <...>, которая в существе своем беспокойно-неопределенна, незаконченна и не имеет границ» [Лосев, 1995, с. 248].

Ключевые слова для романтического типа творчества – длительность, движение, подвижность структур, становление, стремление, потенциальная бесконечность. Здесь можно провести параллели с футуризмом, который «в качестве художественной концепции <...> был прямо заимствован с Запада, тогда как в качестве общеэстетической концепции <...> вполне самостоятелен и зародился значительно раньше» [Дуганов, 1990, с. 120]. Речь идёт именно о русском футуризме.

Выдающийся хлебниковед Р. В. Дуганов в своей монографии «Велимир Хлебников: Природа творчества» в качестве гипотезы в онтологическом аспекте предлагает формулу эстетики русского футуризма: «эстетика бесконечного материально-энергетического становления» [Дуганов, 1990, с. 125]. В социально-историческом плане общее понимание эстетики русского футуризма предполагает «такое искусство, для которого прежде всего прекрасна динамика мира, где все вещи и формы, в том числе и социально-культурные, находятся в непрерывном движении и изменении, когда одна форма не остается самой собой и когда все это не просто течет и изменяется, но катастрофически гибнет и возникает вновь, когда дело идет о жизни и смерти, очевидно, могло с необходимостью возникнуть только на почве революционного переживания действительности» [Там же, с. 129]. Это во многом созвучно социально-историческим предпосылкам возникновения романтизма как одного «из самых крупных направлений, или, точнее сказать, периодов всей эстетики Нового времени» [Лосев, 2019, с. 355]. Военная и послевоенная ситуация размывает и умаляет личное достоинство человека, восторженное ожидание революции сменяется разочарованием, чувством глубочайшей несправедливости освободительных идей.

Говоря о Хлебникове, можем предположить, что его мировоззрение, сохраняя в целом приверженность романтическому типу мышления, до и после войны, до и после революции имеет разную социально-историческую обусловленность и разные мотивировки романтического стиля, которые в будущем ещё предстоит рассмотреть. К примеру, в стихотворении 1914 г.:

*Сегодня снова я пойду
Туда, на жизнь, на торг, на рынок,*

*И войско песен поведу
С прибоем рынка в поединок!*

[Хлебников, т. 1, с. 306]

Ещё одну черту романтического типа творчества, которая находит своё воплощение и в стиле Хлебникова, с опорой на учение А. Ф. Лосева можно определить как проблему индивидуализма, истоки которой исследователь усматривает в исторических предпосылках: «Новое время – индивидуалистично до самых последних своих корней», «индивидуум – единственный путь и принцип, общество же – производно от индивидуальности». Исследователь говорит о личности, которая «активно и часто озлобленно борется и с природой, и с миром, желая осилить их и владеть ими» [Лосев, 1995, с. 249].

«Законы времени» Хлебникова, поиском которых с определённого момента он был озадачен до конца своей жизни, есть не что иное, как попытка путём математического вычисления хода истории и выявления закономерностей её развития подчинить время, осилить его, владеть им, а значит, и самим историческим процессом. Цель этого не сводится к эгоистичному властолюбию и повелеванию миром. Свою провидческую миссию Хлебников видел в том, чтобы после поражения под Цусимой в 1905 г. «найти оправдание смертям» и впоследствии предвидеть, рассчитать, доказать и, наконец, спасти человечество от непоправимых ошибок, гибели, войн и разрушения.

Рассматривая явление романтизма исторически, А. Ф. Лосев подчёркивает, что «*Я* для новой Европы есть **новый миф**» [Лосев, 1995, с. 249], «субъект порождает сам из себя весь космос и все бытие» [Там же, с. 251]. Оценивая романтизм как плод «индивидуалистической культуры», исследователь отмечает, что, в отличие от классицизма, космос романтизма «хочет целиком поместиться в *Я*, порождается этим *Я*, определяется этим *Я*» [Там же, с. 249]. Так рождается собственное мифотворчество. Например, в поэме «Война в мышеловке» (1919), по указанию автора (1915–1918):

*Я, носящий весь земной шар
На мизинце правой руки...*

[Хлебников, т. 3, с. 163]

У Хлебникова достаточно часто встречается местоимение *Я* и в поэзии, и в прозе, и в сверхповестях. В стихотворениях оно нередко представлено в начале текста – в сильной позиции, где от «*Я*» лирического героя ведётся речь: «*Я* верю их вою и хвоям...», «*Я* видел юношу-пророка...», «*Я* всматриваюсь в вас, о, числа...», «*Я* не знаю, Земля кружится или нет...», «*Я* переплыл залив Судака», «*Я* победил: теперь вести...» и др.

В этом плане интересна субъектная организация стихотворения «*Я* вышел юношей один...», написанного в последний год жизни поэта. Начинает повествование *Я*, а завершает *Мы*: «*И вместо Я / Стояло – Мы!*» [Хлебников, т. 2, с. 287]. Такое «смещение» в сторону соборности выводит на мотивировку в несколько семантических полях. С одной стороны, возникает ассоциация с классицизмом, который, по мнению А. Ф. Лосева, «есть соборно-космическая

идея, личность и бесконечность» [Лосев, 1995, с. 249], и неразрешимой задачей для романтизма – «быть соборно-космической и универсальной идеей, оставаясь в то же время в сфере человеческого субъекта и индивидуальности» [Там же, с. 251]. С другой, соборность, а точнее синтез соборный и литургический, – одна из ключевых характеристик серебряного века, глубоко осмысленная мэтром и теоретиком символизма Вяч. Ивановым [Иванов, 1979] и переосмысленная современным филологом И. Г. Минераловой [Минералова, 2009]. Выход на понятие соборности относительно Хлебникова мы можем также соотнести с идеей славянской общности, её «общинно-родовым бытом» – темой, подробно изученной хлебниковедом и исследователем русского авангарда А. Е. Парнисом в статье «Южнославянская тема Велимира Хлебникова» [Парнис, 1978]. Проблеме же лирических субъектов в творчестве Будетлянина, в том числе лирического «я», создающего «то пространство, в котором формируется самобытный поэтический стиль Хлебникова» [Вроон, 2021, с. 273], посвящено исследование американского филолога, хлебниковеда Р. Вроона «Генезис замысла сверхповести «Зангези» (К вопросу об эволюции лирического «я» у Хлебникова)».

Рассуждая о романтизме с религиозной точки зрения, А. Ф. Лосев подчёркивает, что «если брать его как чистый тип и как крайний тип, без всяких исключений, вне исторических его представителей и без его фактической эволюции», романтизм «есть *пантеизм*, язычество» [Лосев, 1995, с. 250]. И то, и другое находит воплощение в художественном стиле Хлебникова и явлено как на тематическом уровне в поэмах «Лесная дева», «Ви́ла и леший», «Шаман и Венера», «Каменная баба», «Лесная тоска», в стихотворениях «Ночь в Галиции», «Перуну» и в других текстах, так и на уровне образно-языковом. Вселенная зачастую предстаёт у Хлебникова как всеобъемлющее единство, и особая роль в ней отводится природе и её «святости». На страницах хлебниковских произведений оживают и говорят реки, ветер, действуют типичные представители славянской мифологии: русалки, лешак, мавы. И здесь бесспорно влияние Вяч. Иванова. Столь авторитетный для Хлебникова на раннем этапе его творчества и значительно повысивший интерес поэта к славянской культуре, Вяч. Иванов во многом определил «дальнейшую судьбу» Велимира [Парнис, 1992, с. 210]. Теме взаимоотношений двух поэтов посвящены исследования и других авторов [Шишкин, 1996; Перцова, 2003; Парнис, 2023].

Обозначим ещё одну, по А. Ф. Лосеву, черту романтического типа творчества – иррациональность образов. У Хлебникова она в том числе реализуется посредством метаморфозы, которую Р. О. Якобсон обозначил как «излюбленный мотив поэзии Хлебникова» [Якобсон, 2000, с. 33]. На протяжении художественного текста она разворачивается во времени, один образ обращается в другой. Например, в стихотворении «Трущобы» (1910), где образ загнанного оленя, которому «нет спасенья», вдруг оборачивается львом:

*Но вдруг у него показалась грива
И острый львиный коготь,
И беззаботно и игриво*

Он показал искусство трогать.

[Хлебников, т. 1, с. 216]

Обратимся к статье В. М. Жирмунского «О поэзии классической и романтической», где он теоретически обосновывает два типа творчества. По словам учёного, «в своем стремлении к абсолютно выразительной форме, безусловно и до конца соответствующей его переживанию», поэт-романтик «разрушает уже сложившуюся форму ради новой, более изменчивой и индивидуальной».

Это, вне всякого сомнения, относится и к Хлебникову. «Разрушив условное совершенство классического искусства, романтическое творчество неизбежно вступает в период опытов, исканий, этюдов, незаконченных набросков» [Жирмунский, 1928, с. 178]. В творчестве Хлебникова имеются неоднократные варианты стихотворений, что свидетельствует о непрерывности, принципиальной незаконченности его мысли и о поиске разных путей её реализации. По словам В. Маяковского, законченность напечатанных вещей Хлебникова – фикция. «К корректуре его нельзя было подпускать, – он перечеркивал все, целиком, давая совершенно новый текст». А кроме того, читая, «он обрывал иногда на полуслове и просто указывал: «Ну и так далее». И в этом «и т. д.» был весь Хлебников» [Маяковский, т. 12, с. 23].

«Для поэта-романтика искусство только тогда значительно, когда оно каким-то образом переходит за грани искусства и становится жизнью» [Жирмунский, 1928, с. 180]. В этом проявляется жизнетворческая функция искусства, реализуемая и у Хлебникова. По словам В. М. Жирмунского, «романтический поэт чувствует себя не “стихотворцем”, а “жрецом, пророком, вождем и учителем”» [Там же]. Образ пророка, восходящего к отечественной романтической традиции, подробно рассмотрел современный американский филолог Харша Рам в статье «“Одинокий лицедей” Велимира Хлебникова» [Ram, 2001].

В. Е. Хализев отмечал: «Мыслители и поэты эпохи романтизма подчеркивали, что искусство обладает огромной и благой силой воздействия на духовную жизнь индивида, общества, человечества» [Хализев, с. 106]. Всё это во многом соответствует и художественному мироощущению Велимира. Жреческой, пророческой миссией наделён главный герой сверхповести «Зангези» (1922), являющий собой alter ego самого поэта. В этом итоговом произведении Хлебникова наиболее выразительно и развёрнуто представлены обострённое чувство одиночества героя и конфликт поэта и толпы, столь характерные для романтизма.

Плоскость XIII

У ч е н и к и. Зангези! Что-нибудь земное! Довольно неба! Грянь «камаринскую»! Мыслитель, скажи что-нибудь веселенькое. <...>

Плоскость XIV

З а н г е з и: <...> А я, божество, одинок. [Хлебников, т. 5, с. 295–296].

Заключение

Литературное наследие Велимира Хлебникова активно исследуется российским и международным учёным сообществом. Однако художественный стиль писателя всё ещё недостаточно изучен и, в частности, с точки зрения реализации в нём романтического типа творчества. Методологическую основу работы составили труды П. Н. Сакулина, В. М. Жирмунского, А. Ф. Лосева, а также исследования хлебниковедов Р. О. Якобсона, Р. В. Дуганова, А. Е. Парниса. Преодоление времени у Хлебникова наиболее характерно представлено в пьесе «Мирсконца», где время движется вспять и события происходят в обратном естественному порядке, в повести «Ка», где сюжетом объединяются различные временные эпохи, и в статьях разных лет, представляющих утопические идеи и футурологические концепции Хлебникова. Преодоление пространства в художественном тексте Хлебникова происходит не только за счёт смены видимых топосов и ландшафтов, но и благодаря синтезу микро- и макрокосмоса, как в поэмах «Война в мышеловке», «Азы из узы», где предметный мир и человек, пронизанные взаимными аналогиями, отождествляются, с выходом на идею материального осуществления личности и рождения собственного, авторского мифа. Иррациональность образов, выражающаяся в их многоступенчатом построении, оборачивании и переходе одного в другой, как в стихотворении «Трущобы», также является чертой романтизма как типа творчества. Равно как и индивидуализм и его частное проявление – лирическое «Я», который претерпевает у Хлебникова эволюцию и реализует жизнотворческую функцию искусства, отличается альтруистически-пророческим, мессианским характером действий, что наиболее ярко представлено в сверхповести «Зангези». Анализ черт романтизма как типа творчества в стиле В. Хлебникова в нашей статье, безусловно, не исчерпан и требует дальнейшего рассмотрения и развития. Перспективным является переосмысление образов и мотивов собственно отечественной традиции романтизма в творчестве писателя.

Список источников

Вроон Р. «Генезис замысла сверхповести «Зангези» (К вопросу об эволюции лирического «я» у Хлебникова) // Сверхповесть «Зангези» Велимира Хлебникова: Новая текстология. Комментарий. Рецензия. Документы. Исследования. Иллюстрации / сост. и науч. редактор А.А. Россомахин. М.: Изд-во «Бослен». 2021. С. 268–285.

Дроздов Н. А. О поэзии классической и романтической // Пушкинская энциклопедия: произведения. Вып. 3: Л–О. СПб.: Нестор–История. 2017. С. 447–450.

Дуганов Р. В. Велимир Хлебников: природа творчества. М.: Советский писатель. 1990. 352 с.

Жирмунский В. М. О поэзии классической и романтической // Вопросы теории литературы. Статьи 1916–1926. Государственный Институт Истории Искусств. Л.: Academia, 1928. С. 175–181.

Иванов Вяч. Чурлянис и проблема синтеза искусств // Иванов Вяч. И. Собрание сочинений: в 4 т. Т. 3 / под ред. Д. В. Иванова, О. Дешарт. Брюссель. 1979. С. 147–170

Лосев А. Ф. Учение о стиле / общ. ред. и сост. А. А. Тахо-Годи, Е. А. Тахо-Годи; вступ. статья К. В. Зенкина. М.: СПб.: Нестор-История. 2019. 456 с.

Лосев А. Ф. Форма – Стиль – Выражение / сост. А. А. Тахо-Годи; общ. ред. А. А. Тахо-Годи и И. И. Маханькова. М.: Мысль. 1995. 944 с.

Маяковский В. В. Полное собрание сочинений: в 13 т. / АН СССР. Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. М.: Худ. лит., 1955–1961. Т. 12: Статьи, заметки и выступления (ноябрь 1917 – 1930) / подгот. текста и примечания В. Ф. Земскова, Ф. Н. Пицкель, А. М. Ушакова, А. В. Февральского. 1959. С. 23–28.

Минералова И. Г. Русская литература Серебряного века. Поэтика символизма: учеб. пособие. М.: Флинта: Наука. 2009. 272 с.

Парнис А. Е. Хлебников: встречи в Судаче в 1908 году. Знакомство с Вяч. Ивановым. Начало диалога // Новый мир, 2023. № 1. С. 210–219.

Парнис А. Е. Вячеслав Иванов и Хлебников. К проблеме диалога и о ницшевском подтексте «Зверинца» // De Visu 0'92. М.: Агентство «Алфавит». 1992. С. 39–45.

Парнис А. Е. Южнославянская тема Велимира Хлебникова. Новые материалы к творческой биографии поэта // Зарубежные славяне и русская культура / Академия наук СССР, Институт русской литературы (Пушкинский дом). Л.: Наука. 1978. С. 223–251.

Перцова Н. Н. Хлебников и Вячеслав Иванов // Перцова Н. Н. Словотворчество Велимира Хлебникова. М.: Изд-во Московского ун-та, 2003. С. 29–36.

Пунин Н. Н. <Хлебников и государство времени> // Мир Велимира Хлебникова: Статьи. Исследования (1911–1998) / под ред. А. Е. Парниса. М.: Языки русской культуры. 2000. С. 159–174.

Пушкин А. С. О поэзии классической и романтической // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 16 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937–1959. Т. 11. Критика и публицистика, 1819–1834. 1949. С. 36–38.

Сакулин П. Н. Наука о литературе, её итоги и перспективы: социологический метод в литературоведении. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ». 2019. 240 с.

Сакулин П. Н. Синтетическое построение литературы. М.: Кооперативное издательство «МИР». 1925. 118 с.

Сталь А. Л. Ж. О поэзии классической и романтической // Литературные манифесты западноевропейских романтиков / под ред. А. С. Дмитриева. М.: Изд-во Московского ун-та, 1980. С. 384–387.

Тынянов Ю. Н. О Хлебникове // Мир Велимира Хлебникова: Статьи. Исследования (1911–1998) / под ред. А. Е. Парниса. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 214–223.

Хализев В. Е. Теория литературы: учебник. М.: Высшая школа, 2002. 437 с.

Хлебников В. В. Собрание сочинений: в 6 т. РАН ИМЛИ им. А. М. Горького / под общ. ред. Р. В. Дуганова; сост., подгот. текста и примеч. Е. А. Арензона и Р. В. Дуганова. М.: Академический проект, 2020.

Шишкин А. Б. Велимир Хлебников на «Башне» Вяч. Иванова // НЛО, 1996. № 17. С. 141–167.

Якобсон Р. О. Новейшая русская поэзия. набросок первый: Подступы к Хлебникову (название предисловия к несостоявшемуся двухтомнику ВХ) // Мир Велимира Хлебникова: Статьи. Исследования (1911–1998) / под ред. А. Е. Парниса. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 20–77.

Ram H. Velimir Chlebnikov's «Odnokij licedej» // Die Welt der Slaven, 2001. XLVI, p. 331–346.

References

- Drozdov N. A. (2017) On classical and romantic poetry. Pushkin's Encyclopedia: *Writings, no. 3*: L–O. SPb.: Nestor–Istoriya, pp. 447–450. (In Russian).
- Duganov R. V. (1990) *Velimir Khlebnikov: The nature of creative work*. Moscow, Sovetskiy pisatel, 352 p. (In Russian).
- Ivanov Vyach. (1979) Churlyanis and a problem of arts fusion. *Ivanov Vyach. I. a book of works no. 4 vol.*: Vol. 3; edited by D. V. Ivanova, O. Deshart. Bryussel`, pp. 147–170. (In Russian).
- Khalizev V. E. (2002) *Theory of Literature: manual*. Moscow, HSE, 437 p. (In Russian).
- Khlebnikov V. V. (2020) a colletion of works. no. 6 vol. Moscow, Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Science. General editor R. V. Duganov; compiled and prepared by E. A. Arenzon and R. V. Duganov. Moscow, Academic Project (In Russian).
- Losev A. F. (1995) *Form – Style – Expression*. Compiled by. A. A. Taxo-Godi; edited by. A. A. Taxo-Godi and I. I. Maxan`kova. Moscow, Mysl`, 944 p. (In Russian).
- Losev A. F. (2019) *The study of style*. Compiled and edited by A. A. Taxo-Godi, E. A. Taxo-Godi; counterpart article of K. V. Zenkin. Moscow; Sankt Petersburg, Nestor-History, 456 p. (In Russian).
- Mayakovskij V. V. *A full collection of works*: No 13 vol. The Academy of Sciences of the Soviet Union. A.M.Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences. Moscow, Khudozhestvennaya literatura, 1955–1961. T. 12. Articles, notes and performances: (November, 1917–1930). The text and notes prepared by V. F. Zemskova, F. N. Piczkel`, A. M. Ushakova, A. V. Fevral`skiy. 1959, pp. 23-28. (In Russian).
- Mineralova I. G. (2009) *Russian Literature of the Silver Age. Poetics of symbology*: teaching guide. Moscow, Flinta, Science, 272 p. (In Russian).
- Parnis A. E. (1992) Vyacheslav Ivanov and Khlebnikov. On a problem of dialog and Nietzsche's implication “Menagerie” *De Visu 0'92*. Moscow: “Alphabet” Agency, pp. 39-45. (In Russian).
- Parnis A. E. (2023) Khlebnikov: meetings in Sudake, 1908. Acquaintance with Viacheslav Ivanov. The beginning of a dialog. *Novyj mir, no. 1*, pp. 210-219. (In Russian).
- Parnis A. E. (1978) Southslavik topic of Velimir Khlebnikov. New writer's materials to the creative biography. *Overseas Slavonic people and Russian culture*. The Academy of Sciences of the Soviet Union, Institute of Russian literature (Pushkin's dom). Leningrad, Science, pp. 223-251. (In Russian).
- Pertsova N. N. (2003) Khlebnikov and Vyacheslav Ivanov. *Pertsova N. N. Word-creation of Velimir Khlebnikov*. Moscow, MSU Publishing, pp. 29-36. (In Russian).
- Punin N. N. (2000) <Khlebnikov and a country of time.> *The world of Velimir Khlebnikov: Investigations (1911–1998)*. Edited by A. E. Parnis. Moscow, Yazyki russkoj kultury, pp. 159-174. (In Russian).
- Pushkin A. S. On classical and romantic poetry. *Pushkin A. S. A full collection of compositions*: No 16 vol. M.; L.: The Academy of Sciences of the Soviet Union Publishing , 1937– 1959. T. 11. Critic and journalism, 1819–1834, 1949, pp. 36-38.
- Ram H. (2001) Velimir Khlebnikov's “Alone play actors”. *Die Welt der Slaven*, XLVI, pp. 331-346. (In English).
- Sakulin P. N. (2019) *The science of literature, its horizons: Sociological method in Literature Study*. Moscow, The House of Books «LIBROKOM», 240 p. (In Russian).
- Sakulin P. N. (1925) *Artificial architecture of literature*. Moscow, “Mir” Coopeartive Publishing, 118 p. (In Russian).

Shishkin A. B. (1996) Velimir Khlebnikov on „Tower“ by Vyach. Ivanov. *NLO*, no. 17, pp. 141-167. (In Russian).

Stal' A. L. Zh. (1980) *On classical and romantic poetry. Literature statements of Western romanticist*. Edited by A. S. Dmitriev. Moscow, MSU Publishing, pp. 384-387. (In Russian).

Туньянов Ю. Н. (2000) About Khlebnikov. *The World of Velimir Khlebnikov: Articles. Researches (1911–1998)*. Edited by A. E. Parnis. Moscow, Yazyki russkoj kultury, pp. 214-223. (In Russian).

Vroon R. (2021) “Genezis of an idea hyper-story “Zangezi”” (On a question of evolution or lyrics “I” in Khlebnikov’s works)”. *Khlebnikov’s hyper-story “Zangezi”: New textology. Comments. Reception. Documents. Research. Pictures*. Compiled by and scientific editor A. A. Rossomakhin. Moscow, «Boslen» Publishing, pp. 268-285. (In Russian).

Yakobson R. O. (2000) The newest Russian Poetry. The first Sketch: Approaches to Khlebnikov (name of foreword to not-published two-volume book V KH). *The World of Velimir Khlebnikov: Articles. Research (1911–1998)* / edited by A. E. Parnis. Moscow, Yazyki russkoj kultury, pp. 20-77. (In Russian).

Zhirmunskiy V. M. (1928) *On classical and romantic poetry. Articles 1916–1926*. State Institute of Arts History. Leningrad, Academy, pp. 1750-181. (In Russian).

Сведения об авторе

Кузовлева Ольга Олеговна – аспирант кафедры русской классической литературы и славистики, заведующая Домом-музеем В. Хлебникова, филиалом ГБУК АО «Астраханская государственная картинная галерея имени П. М. Догадина», pzaargentina@mail.ru

Information about the Author

Olga O. Kuzovleva – postgraduate student, Department of Russian Classical Literature and Slavistics, Head of the V. Khlebnikov House-Museum, branch of the Astrakhan State Picture Gallery named after P. M. Guadin, pzaargentina@mail.ru

Статья поступила в редакцию 12.09.2023; одобрена после рецензирования 22.09.2023; принята к публикации 22.09.2023.

The article was submitted 12.09.2023; approved after reviewing 22.09.2023; accepted for publication 22.09.2023.